

ЛИЦО

МАРТА
ГЕЛЛХОРН

ВОЕННАЯ
ХРОНИКА
1936-1988

ВОЙНЫ

Individuum. Внесерийное

Марта Геллхорн

**Лицо войны. Военная
хроника 1936–1988**

«Individuum»

1936-1993

УДК 355.48
ББК 68.35

Геллхорн М.

Лицо войны. Военная хроника 1936–1988 / М. Геллхорн —
«Individuum», 1936-1993 — (Individuum. Внесерийное)

ISBN 978-5-6048296-1-5

Американская журналистка Марта Геллхорн была свидетельницей крупнейших военных столкновений XX века: от гражданской войны в Испании до Второй мировой, от советско-финской до арабо-израильской войны, от американского вторжения во Вьетнам до конфликтов в Сальвадоре и Никарагуа в 1980-е. Презируя ложь официальных пресс-релизов, Геллхорн везде лезла в самое пекло, общалась с солдатами, ранеными и беженцами и писала, как выглядит война для простых людей, попавших в ее жернова. Авторский сборник репортажей «Лицо войны», охвативший почти пятьдесят лет кровопролития и безуспешных попыток установить прочный мир, — резкое, как пощечина, высказывание о состоянии человечества, ничуть не устаревшее и за следующие полвека. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 355.48
ББК 68.35

ISBN 978-5-6048296-1-5

© Геллхорн М., 1936-1993
© Individuum, 1936-1993

Содержание

Примечание автора	7
Введение. 1959 год	8
Введение. 1986 год	13
Война в Испании	17
Взрывы для всех и каждого	21
Город в осаде	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марта Геллхорн
Лицо войны. Военная хроника 1936–1988

Martha Gellhorn

The Face of War. Writings from the Frontline, 1936–1988

© 1993, 1936, 1937, 1938, 1940, 1941, 1942, 1943, 1944, 1945, 1959, 1966, 1967, 1983, 1985, 1986, 1987, 1988 by Martha Gellhorn

© Photo by Robert Capa, Magnum Photos

© У. Чаркина, перевод с английского, 2023

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

* * *

Посвящается моему сыну Сэнди

Примечание автора

Структура этой книги нуждается в пояснении. Она формировалась на протяжении почти тридцати лет путем сложения и вычитания, пройдя четыре версии. Все репортажи перепечатаны в том виде, в котором они были опубликованы первоначально. Если заголовки были выбраны не мной и не нравились мне, я их меняла. Первая версия книги 1959 года начиналась с введения и заканчивалась репортажем «Дахау». Во второй версии 1967 года я убрала шесть репортажей, чтобы освободить место для глав «Война на Яве», «Межвоенный период» и «Война во Вьетнаме», а также добавила короткое вступление и заключение. Я не меняла свои предисловия к каждой главе во всех версиях книги, однако к моменту выхода третьего издания в 1986 году некоторые фразы, написанные в 1959-м, благополучно устарели. В издание 1986 года было добавлено новое введение, включен текст полной версии издания 1967 года и поздние комментарии о войне во Вьетнаме, Шестидневной войне и войне в Центральной Америке. Из этого издания, четвертого и последнего, удалены введение и заключение 1967 года (как избыточные), а также комментарий 1986 года о войне во Вьетнаме: я написала новый и, надеюсь, лучший. Также в этом издании в главу о Второй мировой я добавила репортаж «Три поляка», в главу о Вьетнаме – репортаж «Пустите детей» – и общее заключение.

Введение. 1959 год

Когда я была молода, я верила в прогресс, в способность человека становиться лучше и думала, что журналистика – это путеводная звезда. Если бы людям открыли правду, если показали бы им без прикрас царящие в мире позор и несправедливость, они немедленно потребовали бы принять нужные меры, наказать преступников и позаботиться о невинных. Как люди должны были осуществить эти перемены, я не знала. Это уже их дело. А работа журналиста – приносить новости, быть глазами человеческой совести. Думаю, я представляла себе общественное мнение могучей силой – чем-то вроде торнадо, всегда летящего вслед за ангелами.

В годы моих пылких надежд, когда история в очередной раз шла не туда, когда люди закрывали глаза на насилие и жестокость, а то и поощряли их, а безвинные не получали ничего, кроме неприятностей, я обвиняла во всем вождей. Под этим словом я понимала неопределенную совокупность политиков, промышленников, владельцев газет, финансистов: невидимых, холодных, амбициозных людей. «Народ» был хорошим по определению; если у него не получалось вести себя хорошо, я объясняла это невежеством или беспомощностью.

Потребовалось девять лет, Великая депрессия, две проигранные войны и одна капитуляция¹ – и только после этого я разуверилась в силе прессы. Постепенно я осознала, что люди охотнее глотают ложь, чем правду, как будто у лжи домашний, приятный, привычный вкус. Были лжецы и в моей профессии, а уж вожди всегда лепили из фактов все, что им заблагорассудится. Источники лжи были неиссякаемы. Хорошие люди, боровшиеся со злом, где бы они его ни видели, всегда составляли лишь доблестное меньшинство, в то время как миллионы послушно возбуждались и успокаивались, подчиняясь любой лжи. Путеводная звезда журналистики светила не ярче светлячка.

Я состояла в федерации Кассандр, где моими коллегами были иностранные корреспонденты, которых я встречала во время каждой катастрофы. Они годами писали о возвышении фашизма, его ужасах и несомненной угрозе, от него исходящей. Если кто-то и прислушался к ним, отреагировать на предупреждения никто не удосужился. Ужас, который они давно прочили, пришел в срок, шаг за шагом, как по расписанию. В конце концов мы превратились в одиноких санитаров, пытающихся вытащить из-под обломков отдельных людей. Если удавалось спасти одну жизнь из рук пражского гестапо или другую – из-за колючей проволоки в песках Аржель-сюр-Мер², это утешало, но едва ли имело отношение к журналистике. Сопротивление, интриги, шантаж и деньги иногда могли помочь одному-другому человеку. А все наши статьи с тем же успехом можно было бы написать невидимыми чернилами, напечатать на листьях деревьев и развеять их по ветру.

После войны в Финляндии я думала о журналистике как о пропуске в первый ряд: тебе нужны лишь соответствующие документы и работа, и ты получаешь билет на спектакль, в котором творится история. Во время Второй мировой войны я только и делала, что хвалила добрых, храбрых и благородных людей, которых видела, хоть и понимала, что это совершенно бесполезное занятие. Когда представлялся случай, я обличала дьяволов, посвятивших свою жизнь уничтожению человеческого достоинства; и это тоже было бесполезно. Я чувствовала абсурдную профессиональную гордость, когда добиралась туда, куда планировала, и вовремя отправляла

¹ Под проигранными войнами Геллхорн имеет в виду гражданскую войну в Испании 1936–1939 годов (которую она провела в стане республиканцев) и советско-финскую войну 1939–1940 годов (в то время она работала из Финляндии), под капитуляцией – Мюнхенское соглашение 1939 года, развязавшее Гитлеру руки для захвата Чехословакии. – *Здесь и далее примечания переводчика и редактора, если не указано иное.*

² Во французской коммуне Аржель-сюр-Мер (Аржелес) на границе с Испанией в 1939–1941 годах существовал лагерь для интернированных, куда помещали испанских республиканцев, бежавших во Францию после поражения в гражданской войне.

свои материалы в Нью-Йорк, но я не могла обмануть себя и поверить, что моя работа военного корреспондента имеет хоть какое-то значение. Война – это злокачественная опухоль, идиотизм, тюрьма. Боль, которую она причиняет, невозможно описать или представить, но война стала нашим состоянием и нашей историей, местом, в котором нам приходилось жить. Я принадлежала к особому типу нажившихся на войне; мне везло, и мне платили за то, чтобы я проводила время с потрясающими людьми.

После победы во Второй мировой я застряла в атмосфере войны еще на год, поскольку установившийся мир оказался непрочным и хрупким. На Яве я увидела послевоенную «маленькую» войну нового образца и осознала, что больше нигде и никогда не хочу видеть ничего связанного с войной. Возможно, та жалкая кровавая заварушка в Индонезии была неизбежна. Высокие белые люди были завоеваны и унижены низкорослыми желтыми людьми³; почему кто-то должен был снова признать белого человека хозяином? Индонезийские голландцы, походившие на скелеты и призраки, вернулись из японских тюрем, со страшного строительства железной дороги через джунгли; их больные, голодные женщины и дети вышли на свободу после многих лет, проведенных в японских концентрационных лагерях на Яве, и тут же на них напали местные жители, которыми раньше они пытались управлять заботливо и порядочно. И индонезийцам, и голландцам нужно было время, чтобы оправиться от войны и научиться жить по справедливости. Времени не было. Ничто из написанного кем бы то ни было не могло ни сократить эту пытку, ни спасти хоть одну жертву – белую или смуглую.

Дать людям урок – лучшее и наиболее эффективное, что может сделать журналистика. Но, по всей видимости, люди не хотят учиться ни на своем опыте, ни на чужом. И если агония Второй мировой войны ничему их не научила, что вообще могло бы им помочь? Несомненно, послевоенный мир – это насмешка над надеждой и оскорбление всех тех, кто погиб ради того, чтобы мы выжили.

В то время когда цивилизация, казалось, решительно нащупывала свой путь к самоубийству, разумным занятием для рядового гражданина, ожидающего конца света, было возделывать собственный сад, чтобы сделать его настолько чистым, симпатичным и приятным, насколько это возможно. Я придумала себе жизнь за высокими стенами такого сада, и она казалась мне хорошей, поскольку была безобидной.

Сейчас я думаю иначе. Раньше я всегда ориентировалась на результат и верила, что существует достижимая цель – победа или поражение. Можно было надеяться на победу, отчаиваться из-за поражения. На данном этапе своей жизни я думаю, что это чушь.

До изобретения атомной бомбы, водородной бомбы, кобальтовой бомбы (и что там еще может нас ждать впереди) у нас были причины представлять историю человечества как гигантские бесконечные американские горки, где вагончики то взлетают вверх, то падают вниз. Пассажиры на этом аттракционе сменяли друг друга и все же составляли единый неиссякаемый поток: они меняли одежду и багаж, говорили на разных наречиях, но оставались мужчинами, женщинами и детьми, неизменно человеческими. Единственное, за что отвечал каждый пассажир этих американских горок, насколько я могла судить, – собственное поведение во время путешествия. Каждый несет ответственность за свои шаги, но ни один шаг не является последним. Из поведения отдельного человека, каким бы оно ни было, складывается его частная судьба, но общий исход от него не зависит. И победа, и поражение – мимолетные мгновения. Не существует целей, есть только средства.

Журналистика – это средство; и сейчас я думаю, что рассказывать правду ценно само по себе. Серьезная, внимательная, честная журналистика необходима не как путеводная

³ Вплоть до 1942 года Индонезия (Голландская Ост-Индия) была колонией Нидерландов. Во время Второй мировой войны Япония разгромила нидерландские силы и оккупировала Индонезию. Вскоре после поражения Японии в Индонезии вспыхнула война за независимость (1945–1949), по итогам которой Нидерланды признали независимость Индонезии.

звезда, а как форма достойного поведения для репортера и для читателя. Я больше не журналист; как и в случае других рядовых граждан, единственная правда, которую я должна рассказать, – моя собственная.

Несмотря на официальную чепуху о «чистых» бомбах и тактическом ядерном оружии, каждый, кто может читать газеты или слушать радио, знает, что некоторые из нас, смертных, обладают силой, способной уничтожить человеческий род и его дом земной. Нам даже не нужно вести войну; только готовясь к ней, играя с нашим новым оружием, мы отравляем воздух, воду, почву нашей планеты, вредим здоровью живущих и лишаем шансов еще не родившихся. Как может кто-то где-то не думать о том, насколько безрассудны ядерные испытания и что мы рискуем уничтожить себя, если применим это оружие на войне?

Мировые лидеры необычайно увлечены личными дразгмами. Они мчатся на самолетах по своим божественным делам; встречаются друг с другом, всегда только друг с другом; совещаются в различных правительственных дворцах и делают заявление за заявлением в прессе. Их речи звучат так, как будто они верят, что ядерную войну можно выиграть или проиграть, причем мы можем оказаться втянуты в нее с большой вероятностью, в любую минуту, без предупреждения. («Не волнуйтесь. Мы уничтожим врага нашими сверхскоростными, сверхзвуковыми, трижды межконтинентальными, рентгенонаводящимися, антинаступательно-оборонительными ракетами. Не бойтесь. Мы сожжем врага нашими лучшими, самыми крошечными суперсмертоносными бомбами. Тем временем, дорогие товарищи, граждане, соотечественники, верноподданные, ваш долг – гражданская оборона; выкопайте небольшую взрывоустойчивую яму на заднем дворе и ждите там апокалипсиса».)

Мировые лидеры, кажется, потеряли связь с жизнью здесь, на земле, забыли о людях, которыми они руководят. Или, возможно, те, кем они управляют, – столь многочисленные и столь безмолвные – перестали быть для них по-настоящему реальными, это уже не живые люди, а цифры будущих потерь. Нас ведут, и мы должны идти, хотим мы того или нет; ведь бежать нам некуда.

Но мы не обязаны идти молча; у нас все еще есть право и обязанность, как у рядовых граждан, говорить правду. Как одна из миллионов ведомых, я не позволю гнать себя дальше по этой ведущей в никуда дороге дураков, не подняв свой голос в знак протеста, пусть даже мое «НЕТ» и будет таким же тихим, как стрекот сверчка. Мое «НЕТ» – эта книга.

Тяжело удержаться от разглагольствований, не срываться на крик или визг. И еще тяжелее (для меня уж точно) вести логичное повествование: «во-первых», «во-вторых», «в-третьих», выстраивать один логически выверенный абзац за другим. Я вижу загадки и сложности везде, куда бы ни посмотрела, и никогда я не встречала человека, который был бы последователем во всем. Но все же, если очень сильно постараться, иногда можно сказать то, что имеешь в виду.

Не нужно указывать на мои противоречия, я их знаю и чувствую. Я думала, что начать бороться с Гитлером, всеми его приспешниками и тем, что они делали и за что выступали, нужно было как минимум на три года раньше, а не в 1939 году. При этом наша победа лишь на время избавила нас от невыносимого зла; она ничего не решила. Война, когда у нее есть хоть какая-то цель, – это операция, в ходе которой в определенное время удаляют определенную раковую опухоль. Рак вновь возвращается в разных формах, поражая разные народы; мы не выработали никакого профилактического лечения. Снова и снова нам приходится прибегать к хирургии на грани жизни и смерти. Но человечество всегда ее выдерживало и выживало.

Я не верю, что возможен мир во всем мире – везде и всегда. Я не верю в способность человека становиться лучше, что было бы необходимо для всеобщего мира; я верю лишь в человеческий род и верю, что он должен продолжаться. Наши лидеры недостаточно мудры, недостаточно храбры, недостаточно благородны для своей работы. А мы, которыми управляют, в большинстве своем либо овцы, либо тигры; и все виновны в главном человеческом грехе –

глупости. И из-за этого нас ждут новые войны; мы никогда не были от них свободны. Я ненавижу этот факт, но принимаю его.

Однако ядерная война не похожа ни на одну другую войну, угрожавшую человечеству, и о ней нельзя рассуждать, используя старые привычные термины. Ядерная война достигает масштаба, ранее невиданного в истории, масштаба, порожденного громадным, безумным тщеславием.

Мы почти не помним, кто воевал в Войне Алой и Белой розы и почему, однако эта война длилась тридцать лет и наверняка стала страшной темной ночью для солдат и мирных жителей, попавших в ее ловушку. Тем не менее мы всё еще здесь: мир природы остался здоровым, милостивым и прекрасным; человеческий род продолжился, не зараженный ни в костях, ни в крови, ни в разуме. Со времен самых первых человеческих войн и до наших последних душераздирающих конфликтов, охвативших весь мир, мы могли убивать лишь друг друга. Теперь же мы способны убить само будущее. И мы настолько самонадеянны, что осмеливаемся к этому готовиться, – безумные пигмеи, угрожающие самому существованию природы.

Через пятьсот лет наша ссора между Востоком и Западом будет казаться такой же бессмысленной, как Война Роз. Кем мы себя возомнили, если считаем, что можем положить конец всему сущему?

В этот момент я слышу громкие и гневные голоса, такие же страстные, как и мой, говорящие: но выжить – это еще не всё. Если люди не будут бороться против тиранов и рабства, жизнь ничего не стоит и цивилизация должна исчезнуть. И так далее. Я не могу понять этот аргумент, хоть и пыталась. Я не представляю, как человеческий дух, заключенный в человеческом теле, будет способен лелеять свободу, уважать права других и практиковать свой высший талант – любовь, в то время как земля станет бесплодной из-за созданных человеком ядов, воздух будет отравлен, а людей охватят болезни и смерть. Я не представляю, какие человеческие ценности можно будет защищать, когда все человечество исчезнет вместе с добром и злом.

Если мы развязываем или допускаем войну, мы ее заслуживаем; но мы должны ограничить допустимые средства ведения войны и места боевых действий – одним словом, держать наши преступления под контролем. Мы будем вынуждены удовлетворять безумие, которое присутствует в человеческой природе, с помощью небольших неядерных войн того типа, к которому мы все больше и больше привыкаем. Убийство друг друга – наша древняя традиция; но только мы – те, кто живет сейчас, – должны расплачиваться за эту отвратительную глупость. Ничто из того, что волнует нас в краткий миг истории, пока мы живем, не дает нам право остановить время, перечеркнуть будущее, положить конец чудесам, славе, трагедиям и несчастьям человеческого рода.

Эта книга состоит из избранных репортажей, которые я готовила во время войн, шедших в течение восьми лет в восьми странах. Люди в этих статьях – обычные люди, кто угодно; то, что случилось с ними, случилось и с неисчислимым множеством других людей. Зарисовки небольшие, но их много, и мне кажется, что в итоге они сливаются в единую пугающую картину.

У войны есть только один сюжет; в нем правят бал голод, неприютность, страх, боль и смерть. Голодные израненные дети выглядели совершенно одинаково в Барселоне 1938 года и в Неймегене 1944-го. Беженцы, вынужденные вместе со всеми своими пожитками брести прочь от войны в поисках мало-мальски безопасного убежища, были одним народом по всему миру. Бесформенный сверток с телом американского солдата в снегу в Люксембурге был похож на труп любого другого солдата в любой другой стране. Война – это ужасное повторение.

Я писала очень быстро, как и должна была; и я всегда боялась, что забуду точный звук, запах, слова, жесты, характерные именно для того момента и места. Надеюсь, с годами я научилась писать лучше. Суть этих статей в том, что они правдивы; они рассказывают то, что видела я. Возможно, они напомнят другим, как напоминают мне, лицо войны. Вряд ли мы имеем

право его забыть. Я считаю, что именно память и воображение, а не ядерное оружие, – сильнейшие сдерживающие факторы.

Введение. 1986 год

Первый репортаж этой книги был написан 49 лет назад. После того как я на протяжении всей жизни наблюдала за войнами, война мне видится эндемической болезнью человечества, носители которой – правительства. Только правительства готовят, объявляют и ведут войны. Ни разу не случилось такого, чтобы полчища граждан сами по себе столпились у правительственных зданий и требовали войны. Прежде чем они поймают военную лихорадку, их нужно заразить ненавистью и страхом. Нужно внушить гражданам, что им угрожает враг и что жизненно важные интересы их государства под угрозой. Жизненно важные интересы государства, всегда завязанные на власти, не имеют ничего общего с интересами граждан – частными и простыми, всегда связанными со стремлением к лучшей жизни для себя и своих детей. Ради таких интересов человек работает, а не идет убивать других людей.

Я с подозрением отношусь к любым властям предержажим (за исключением нескольких достойных восхищения людей) и их представлениям о жизненно важном. Если бы правительства должным образом выполняли свою работу, они сосредоточились бы на том, чтобы обеспечивать достойное управление своими странами в интересах наибольшего числа граждан: они бы не транжирили значительную долю накопленных обществом ресурсов на вооружение и не экономили бы на нуждах народа. Богатые, бедные или середнячки – все правительства находят деньги на войну, и все правительства с каждым годом тратят все больше и больше денег – невероятное количество денег, – чтобы накапливать вооружения. И все они, демократии или диктатуры, существуют на деньги своих народов, но жалеют средств, чтобы обеспечить этим народам достойные условия жизни. Мы живем в мире, где слишком много оружия и слишком мало сытых людей.

Чтобы начать войну, требуется агрессор – правительство настолько амбициозное и жадное, что считает завоевание территорий своим государственным интересом. Но правительство-агрессор продает своему народу проект войны как защитную меру: это им угрожают, они окружены, их провоцируют; враги готовы напасть на них. К сожалению, людей легко заставить поверить в любую ложь; люди ужасно доверчивы и беззащитны, когда перед ними размахивают флагами и внушают им ложный патриотизм. И как только война начинается, правительство берет на себя всю полноту власти: граждане должны подчиняться приказам своего правительства, даже если ранний энтузиазм поутих. Кроме того, люди понимают, что какой бы бессмысленной ни была война, лучше ее не проигрывать.

У нации или наций, подвергшихся нападению, нет другого выбора, кроме как бороться с агрессором. Но неужели правительства, если они компетентны, не могут увидеть угрозу и заранее принять меры, чтобы не дать агрессору завершить подготовку к войне? Вполне вероятно, Гитлера можно было остановить в 1936 году, когда он ввел войска в Рейнскую область, нарушив условия Локарнских договоров⁴. И разве нельзя было избежать войны за Фолклендские острова благодаря более аккуратному прогнозированию?⁵ У правительств гораздо лучше получается развязывать войны, а не предотвращать их. И, если хорошо разобраться, окажется, что война не так уж и страшна для правителей – тех, кто на вершине, кто стоит у руля. Их власть укрепляется, а власть для этих людей – великое благо. Они чувствуют воодушевление,

⁴ Одним из условий Локарнских соглашений 1925 года, подписанных после окончания Первой мировой войны, была демилитаризация Рейнской зоны на западе Германии (с целью обеспечения безопасности франко-германской границы). В 1936 году правительство Гитлера в одностороннем порядке денонсировало Локарнские соглашения и ввело войска в Рейнскую зону, что стало одним из шагов ко Второй мировой войне.

⁵ В 1982 году военное правительство Аргентины предприняло попытку установить контроль над Фолклендскими (Мальвинскими) островами, колонией Великобритании. Президент Леопольдо Гальтери рассчитывал, что Великобритания не будет оборонять дальнюю колонию и Аргентина легко захватит острова, но в итоге его страна потерпела поражение.

ощущают, как растёт их значимость, а никаких трудностей не испытывают. Им не приказывают воевать или работать на фабриках; чудесным образом их не ранят и не убивают, как обычных людей; они слишком ценны, чтобы жить на скудном пайке. До Второй мировой, несравнимая чудовищность которой изменила правила, худшей карой, ожидавшей правителей после проигранной войны, была потеря работы. Германский кайзер просто ушел в отставку и переехал в небольшой загородный дворец.

Тем не менее десять миллионов человек погибли в Первой мировой войне 1914–1918 годов из-за государственных интересов кайзеровского правительства, и сегодня никто не вспомнит, в чем они заключались. От позиционной войны – к тотальной войне и геноциду: 35 миллионов человек погибли во Второй мировой войне из-за безумных государственных интересов гитлеровского правительства и государственных интересов императора Японии, который остался невредим. С 1945 года люди ежегодно гибнут в больших и малых войнах из-за чьих-нибудь государственных интересов.

Возможно, если не народ Советского Союза, которому не дают информации, то его руководители в Кремле сейчас с тревогой раздумывают, какие же именно государственные интересы они защитили, вторгнувшись в Афганистан. Я никогда не понимала, что за государственные интересы заставили правительство США втянуть Америку в ее самую длительную – но необъявленную – войну во Вьетнаме, и ясно, что ничего жизненно важного в этой войне не было, поскольку, проиграв, Америка никак не пострадала, дела шли как обычно. Впрочем, американское правительство ценой крови и денег своих граждан сделало эффектное заявление: маленьким азиатским странам лучше соглашаться с США, когда дело касается того, что американское правительство считает своими интересами. И, возможно, по мнению Кремля, именно это и происходит в Афганистане: дан сигнал, что на границах СССР вы либо ведете себя как следует, либо...

Для тех из нас, кто смотрит на мир глазами человека, а не геополитика, защита государственных интересов СССР в Афганистане и государственных интересов США во Вьетнаме выглядят безумием, жестокой катастрофой для простых людей: русских, афганцев, вьетнамцев, американцев. Было бы замечательно, если бы простые люди научились с осторожностью и недоверием относиться к вирусу, который распространяют правительства, – идее государственных интересов.

Было бы замечательно, но это маловероятно. Наш удивительный вид с детства запрограммирован на патриотизм в духе «это моя страна, права она или нет». Интересно, как это звучит на урду или китайском? Несмотря на невероятную силу этой фразы, она бессмысленна. Моя страна не может быть права или не права, она просто существует как земля, язык, быт, культура. А та фраза, которую используют для сплочения граждан на войне, должна была бы звучать так: «это мое правительство, право оно или нет». Это было бы полезное изменение, оно бы заставило граждан задуматься, правильно ли поступает их правительство или же фатально ошибается. Мне всегда нравилось резкое замечание Толстого о том, что «правительство – собрание одних людей, насилующих других»⁶, но теперь я думаю, что старый русский был пророком. С момента появления ядерного оружия все человечество находится во власти правительств, которые владеют этой силой, способной уничтожить мир. Никогда раньше люди, склонные совершать ошибки, какими являются правители, не владели разрушительной мощью столь невиданного масштаба.

Конечно, нам говорят, что ядерное оружие имеет строго оборонительный характер, это средство сдерживания. Благодаря ему, говорят наши правительства, мы сорок лет живем в мире, что, очевидно, неправда. Что они имеют в виду, так это то, что за эти сорок лет не было войн между сверхдержавами. Даже описывать ядерное оружие как средство сдерживания –

⁶ Цитата из трактата «Царство Божие внутри вас».

значит лгать. Так как у сверхдержав уже давно предостаточно ядерного оружия, чтобы единожды уничтожить друг друга (и весь остальной мир), нет большой необходимости производить больше и больше таких вооружений, чтобы можно было уничтожить мир сорок раз. Но ядерное оружие превратилось в Большой Бизнес, возможно, самый большой из всех существующих.

Десятки тысяч людей на выгодных условиях работают в американской индустрии по производству ядерного оружия; в капиталистическом мире в этой сфере зарабатывают колоссальные прибыли. «Звездные войны»⁷ – это огромный казенный пирог и огромная глупость. Предполагаю, что и в Советском Союзе тысячи граждан получают хорошее вознаграждение, работая в столь важной области, а все расходы ложатся на советский народ, который терпит лишения, ведь денег на все не хватает, а важнее ядерного оружия нет ничего. Небольшие французские и британские ядерные арсеналы бессмысленны; из-за высокомерия правительств Франции и Великобритании граждане этих стран вынуждены посредством налогов платить за членство в ядерном клубе – а ведь эти налоги могли бы пойти на улучшение условий жизни.

Самое богатое государство в мире, США, расходует немыслимые деньги на военные цели. В 1986 году Пентагон будет тратить 1 миллиард долларов в день, 41 миллион долларов в час, 700 тысяч долларов в минуту. С 1983 по 1989 год только на ядерное оружие выделено 450 миллиардов долларов бюджетных денег. Невозможно даже представить, как выглядит такая куча денег, но неплохо бы отметить, что в сегодняшней Америке существуют благотворительные бесплатные столовые для бедняков и кишачие крысами трущобы, а 35 миллионов американцев живут за чертой бедности, но никто из чиновников не в состоянии заметить связь между эпидемией наркозависимости и преступности среди безработной, отверженной молодежи и тем, в каких убогих условиях она вынуждена жить.

Эксплуатация британских атомных подводных лодок, оснащенных ядерными ракетами «Поларис», обходится в 1 миллион фунтов в день, и кто знает, сколько миллионов будет стоить их замена на новенькие «Трайденды»⁸. Подумайте, сколько всего можно было бы сделать в самых депрессивных городских районах Великобритании на 365 миллионов фунтов стерлингов в год: построить жилье и центры отдыха для молодежи, высадить деревья и зеленые насаждения – создать окружающую среду, которую стоит беречь, а не сжигать. Но на жизнь денег никогда не хватает, а вот на вооружение, ядерное и обычное, и на наши огромные военные учреждения средства найдутся всегда.

Но нашим властям виднее; наивысшая жизненно важная цель государства – защитить нас от нападения Советского Союза. Наши власти свободно говорят о «враге» – таково альтернативное название для СССР. Все маневры – даже недавние довольно милые маневры отрядов местной самообороны в Великобритании по защите страны от советских парашютистов – планируются и проводятся против «врага». Намерение СССР напасть на Западную Европу мы принимаем как факт, нечто настолько же неопровержимое, как то, что солнце встает на востоке; и все тысячи единиц ядерного оружия, раскиданные по Европе, разбросанные по Соединенным Штатам, все военные игры, планы, диспозиции основаны на этом предположении. Мы должны быть постоянно готовы к нападению даже в ущерб себе, ведь если мы не будем готовы, придут красные.

⁷ «Звездные войны» – бытовое название Стратегической оборонной инициативы (Strategic Defensive Initiative), принятой в США в 1983 году программы по разработке системы противоракетной обороны космического базирования. В начале 1990-х годов была свернута.

⁸ «Поларис» и «Трайидент» – названия британских программ развертывания и эксплуатации сил ядерного сдерживания морского базирования, а также ядерных ракет, которыми оснащались подводные лодки Королевского флота в рамках соответствующих программ. Во второй половине 1980-х годов, когда Марта Геллхорн писала это вступление, как раз осуществлялся переход от «Полариса» к «Трайденду».

Никто никогда не отвечает на вопрос: зачем им нападать? По какой причине, с какой целью Советский Союз захочет напасть на Западную Европу и начать Третью мировую войну, с ядерным оружием или без него? Что им нужно от Западной Европы? Что они получают, пытаясь удержать 300 миллионов враждебно настроенных людей? Нынешнее американское правительство полностью забыло – а вот русские не забыли, – как Россия была захвачена и выжжена почти до Москвы и погибли двадцать миллионов советских граждан. Великая Отечественная война для русского народа – не древняя история. Нет человека, который побывал в России и не слышал, с каким ужасом русские говорят о войне и как страстно желают мира.

Я обвиняю наши правительства, которые мнят себя самыми просвещенными, опытными и могущественными, в том, что они вывели нас на этот зловеший путь. Прежде всего виновны лидеры сверхдержав, эти временные управляющие, которые ведут себя так, будто соперничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом – самый знаменательный эпизод в долгой истории человечества. Мы не можем жить в безумии ядерного оружия. Это нужно остановить. Нам недостаточно ненадежных разрядок напряженности, которые случаются время от времени, недостаточно и договоров об ограничении вооружений, по которым сокращается количество единиц какого-то вида ядерного оружия, но сохраняются тысячи новых усовершенствованных моделей. Мы можем и должны начать с замораживания ядерных арсеналов – западных и советских, а затем полностью от них избавиться. Мы могли бы разве что оставить одного мегатонного убийцу наведенным на Москву, а другого – на Вашингтон, чтобы напоминать правительствам сверхдержав, что они должны вести себя как взрослые и ответственные люди и решать свои разногласия за переговорным столом.

Сегодня правительства здесь, а через несколько лет уйдут; даже диктаторы не вечны. Ссоры между странами преходящи: враги превращаются в союзников и наоборот. Ни одна война из тех, которые знает история нашего вида, не была последней. До нынешних времен: ведь теперь мы знаем, что ядерная война может уничтожить нашу планету. Невозможно поверить, что какие-то правительства – эти недолговечные фигуры на доске – присвоили себе право по собственной прихоти положить конец человеческой истории. На случай конца света правителям предоставляют самые лучшие убежища, построенные на деньги налогоплательщиков. Верят ли они, что смогут или должны пережить ядерную войну? Рассчитывают ли они пересидеть всеобщую агонию в каком-то подземном бункере и выйти, чтобы снова взять власть в свои руки? Но кем они собираются управлять? Эти убежища не дают мне покоя. Я даже не знаю, что хуже: их моральная тупость или идиотское отсутствие воображения.

Между тем мы все существуем под угрозой уничтожения и тратим наши деньги на ядерное оружие, потому что они нападут на Западную Европу, если они посмеют. Они существуют под угрозой уничтожения и тратят свои деньги на ядерное оружие, потому что *мы* нападём на Советский Союз, если мы посмеём. Мы говорим, что *их* страх перед нами – это паранойя. А что насчет нашего страха перед *ними*? Две паранойи сталкиваются друг с другом, отравляют настоящее, делают жизнь ненадежной, поскольку впервые человеческий род не может быть уверен, что он продолжит существовать. Это недопустимый способ управления миром. Недопустимый для каждого из нас, для всех людей, живущих на Земле.

Война в Испании

Летом 1936 года я проверяла справочный материал для своего романа в Библиотеке мировой войны в Штутгарте⁹, когда нацистские газеты начали сообщать о сражениях в Испании. При этом они словно писали не о войне: складывалось впечатление, что силы правопорядка атакует некий кровожадный сброд. Этот сброд, который вообще-то был армией законного правительства Испанской Республики, нацисты называли не иначе как «красными свинособаками». У нацистских газет был один серьезный плюс: все, против чего они выступали, стоило поддерживать.

К тому моменту я жила в Европе уже какое-то время: как только мне исполнился 21 год, я уехала работать во Францию и там присоединилась к группе молодых французских пацифистов. Нас объединяли бедность и страсть, а целью своей жизни мы видели прогнать злобных стариков, которые явно вели нас к следующей войне. Мы верили, что мир в Европе невозможен без франко-германского примирения. Наша идея была верной, но тут пришли нацисты.

Впервые мы встретили молодых нацистов в Берлине в 1934 году. На границе по поезду прошли немецкие полицейские, они задержались в нашем вагоне третьего класса и конфисковали наши газеты. Хотя мы не представляли никого, кроме самих себя, мы читали самые разные статьи, чтобы потом с ними спорить, – от монархических до социалистических и либерально-реформистских (я). В кои-то веки мы объединились, посчитав это изъятие газет возмутительным. Когда мы сошли с поезда – как обычно, потрепанной шумной толпой, – нас

⁹ Библиотека, основанная в 1915 году и посвященная истории Первой мировой войны. С 1948 года – Библиотека современной истории.

встретил отряд молодых нацистов: все чистенькие, светловолосые, одетые в хаки. Мозгов у них хватало разве что на то, чтобы повторять чужие речи, и в целом нам тогда было на них наплевать. Мы очень старались оправдать их; мы старались согласиться с тем, что они были *социалистами*, как они нас уверяли, а не *национал-социалистами*. После обеих мировых войн многие люди жалели побежденных немцев; в то время и я испытывала такое чувство. Кроме того, я была пацифисткой, что мешало мне верить в то, что я вижу собственными глазами. Но к 1936-му, сколько бы я ни цеплялась за принципы, это не помогало; я видела, что эти наглые нацистские хамы собой представляли и что они творили.

И тем не менее с упорством, достойным лучшего применения, я все работала над романом о молодых французских пацифистах. Я задержалась в Германии на несколько месяцев, говорила со всеми, кто еще осмеливался открыть рот, о свободомыслии, правах человека и испанских красных свинособаках. После этого я вернулась в Америку, закончила свой роман, навсегда запихнула его поглубже в стол и начала собираться в Испанию. Я перестала быть пацифисткой и стала антифашисткой.

К зиме 1937 года западные демократии провозгласили доктрину невмешательства. Говоря попросту, это значило, что ни людей, ни грузы на территорию республиканской Испании свободно не допускали. Я обратилась к властям в Париже, чтобы получить необходимые для выезда из страны печати и документы. Каждый, кто имел дело с французской бюрократией, знает, что любой французский чиновник – образцовая скотина. Он сидит за своим столом, царапает что-то по бумажке острым правительственным пером с бледными чернилами и никого не слушает. Видимо, общение с этими людьми у меня не задалось, поскольку, как мне вспоминается, я просто изучила карту, села в поезд, вышла на ближайшей к андоррско-испанской границе станции, пройдя небольшое расстояние пешком, оказалась в другой стране и села во второй поезд – с древними, холодными и крошечными вагонами, заполненными солдатами-республиканцами, которые возвращались в Барселону на время отпуска.

Они едва ли походили на солдат: одеты были как попало, и, очевидно, в этой армии каждый сам заботился о пропитании, поскольку правительству было не до того. Я ехала в деревянном вагоне вместе с шестью парнями, которые ели чесночную колбасу и хлеб, сделанный словно из каменной крошки. Они предлагали мне свою еду, они смеялись и пели. Каждый раз, когда поезд останавливался, другой молодой человек, возможно, их офицер, просовывал голову в вагон и читал нотации. Как я поняла, он призывал их вести себя достойно. Они вели себя очень достойно, но понятия не имею, о чем они говорили, так как я тогда не знала испанского.

Барселона выглядела яркой из-за солнца, веселой – из-за красных знамен, водитель такси не взял с меня денег; видимо, все было бесплатно. Видимо, здесь все были друг другу братьями. Поскольку мало кому доводилось пожить в такой атмосфере хотя бы минуту, могу заверить, что это самая прекрасная атмосфера на свете. Меня передавали, как посылку, весело и по-доброму; я ехала на грузовиках и в забитых машинах. И наконец, проехав через Валенсию, ночью мы прибыли в Мадрид: холодный, огромный и непроглядный, где улицы выглядели безмолвными и угрожающими из-за выбоин от снарядов. Это было 27 марта 1937 года: дату я потом нашла где-то в записях. До этого момента я не чувствовала, что нахожусь на войне, однако теперь осознала. Ощущение, которое я не могу описать; весь город был полем боя, скрытым в темноте. В этом ощущении, безусловно, был страх, но была и смелость. Оно заставляло идти осторожно и внимательно прислушиваться, вынуждало сердце биться чаще.

Еще в Нью-Йорке один дружелюбный и энергичный человек – в то время редактор журнала *Collier's* – вручил мне письмо. Письмо было предназначено для предъявления по требованию и гласило, что предъявительница Марта Геллхорн является специальным корреспондентом *Collier's* в Испании. Это письмо должно было помочь мне в общении с любыми представителями власти, которых могло заинтересовать, а что вообще я делаю в Испании или

зачем пытаюсь туда попасть; не более того. У меня не было никаких отношений ни с одной газетой или журналом, я считала, что все, что человек делает на войне, – это идет на нее в знак солидарности и погибает или, если повезет, доживает до ее окончания. Именно так, я читала, обстояли дела в окопах Франции в Первую мировую; каждый рано или поздно либо погибал, либо был так серьезно ранен, что его отправляли на лечение. Я и не подозревала, что можно быть тем, кем в итоге стала сама, – туристкой, которая невредимой прошла через множество войн. В Испании со мной были лишь рюкзак и примерно пятьдесят долларов; остальное казалось излишним.

Я следовала по пятам за военными корреспондентами, опытными мужчинами с серьезными заданиями. Поскольку власти давали суточные на транспорт и военные пропуска (раздобыть транспорт было гораздо труднее, чем разрешение посмотреть что бы то ни было; это была открытая, очень близкая война), я ездила с ними по фронтам в Мадриде и его окрестностях.

Но я не делала ничего – разве что немного учила испанский и немного узнавала о войне, посещала раненых, пыталась развлечь или отвлечь их. Жалкие усилия – и спустя несколько недель после моего приезда в Мадрид один знакомый журналист заметил, что мне следует писать; только так я смогу послужить *Causa*¹⁰, как испанцы торжественно, а мы с любовью называли эту войну. В конце концов, я была писательницей, не так ли? Но как я могла писать о войне? Что я знала? Для кого писать? С чего вообще начать? Разве не должно произойти что-то значительное и решающее, прежде чем можно будет писать статью? Мой знакомый журналист предложил мне написать о Мадриде.

– Разве это будет кому-то интересно? – спросила я. – Это же обычная жизнь.

– Не каждому доводится жить такой жизнью, – заметил он в ответ.

Я отправила свою первую статью про Мадрид в *Collier's*, не ожидая, что ее опубликуют, но у меня было то самое письмо, поэтому я хотя бы знала адрес журнала. *Collier's* принял текст, а после следующего поместил мое имя в список авторов. Об этом я узнала случайно. Оказавшись в списке авторов, я, по всей видимости, стала военным корреспондентом. Так все и началось.

Здесь я хочу выразить свою благодарность уже исчезнувшему журналу и Чарльзу Колебо, который тогда его возглавлял. Благодаря *Collier's* у меня был шанс увидеть жизнь моего времени – а жизнью этого времени была война. Они никогда не вырезали и не изменяли ничего из того, что я писала. Впрочем, для большинства моих статей они придумывали собственные заголовки. Мне эти заголовки не нравились, и здесь я их не использую, но это была ничтожная цена за свободу, которую дал мне *Collier's*: в течение восьми лет я могла ходить куда хотела когда хотела и писать то, что видела.

Что было и новым, и пророческим в испанской войне, так это судьба мирных граждан. Они оставались жить в своих домах, но боевые действия пришли к ним. Для книги я отобрала три репортажа об этой городской войне, характерной для XX столетия. Народ Испанской Республики первым испытал на себе безжалостную тотальность современной войны.

Двадцать лет я превозношу *Causa* Второй Испанской Республики при малейшей возможности и уже устала объяснять, что Республика не была ни сборищем кровожадных красных, ни марионеткой России. Уже давно я перестала повторять, что люди, которые сражались и погибли за Республику, независимо от их национальности, были они коммунистами, анархистами, социалистами, поэтами, водопроводчиками, работниками из среднего класса или наследником трона Абиссинии, – были храбры и бескорыстны, потому что в Испании не существовало наград. Они сражались за всех нас против объединенных сил европейского фашизма. Они заслужили нашу благодарность и уважение и не получили ни того ни другого.

¹⁰ «Дело» (исп.).

Я чувствовала тогда (и чувствую до сих пор), что западные демократии обязаны были сделать две вещи: во-первых, спасти свою честь, придя на помощь молодой, подвергшейся нападению демократической республике, во-вторых, спасти свою шкуру, сразившись с Гитлером и Муссолини уже в Испании, не оттягивая столкновение до последнего, когда цена, выплаченная человеческими страданиями, будет неизмеримо выше. Но к этим аргументам никто не прислушался ни во время войны в Испании, ни когда-либо позже; тщательно возвращенное предубеждение против Второй Испанской Республики остается невосприимчивым и к времени, и к фактам.

Все мы, верившие в республиканскую *Causa*, будем вечно оплакивать поражение Республики и смерть ее защитников, мы продолжим любить землю Испании и ее прекрасный народ – один из самых благородных и самых невезучих народов на земле.

Взрывы для всех и каждого

Июль 1937

Поначалу снаряды летели над головой: можно было слышать глухой удар, похожий на стонущий кашель, когда они вылетали из фашистских орудий; затем было слышно, как они приближаются. По мере того как они подлетали все ближе, звук нарастал, становился отчетливее и резче, а потом, очень быстро, раздавался мощный гул от взрывов.

Но теперь, не знаю, как давно это началось, – время не имело большого значения – они били прямо по улице перед отелем, и по соседней улице слева, и по углу между ними. Когда снаряды падают так близко, звук другой. Снаряды летят со свистом – словно вращаются прямо над головой – на скорости, которую и представить себе нельзя, и, вращаясь, они завывают: вой ускоряется, становится выше и превращается в вопль – а потом они бьют, и словно раздается раскат грома, от которого трескается гранит. Делать было нечего, идти некуда: только ждать. Но ждать в одиночестве, в номере, который все больше покрывался пылью раскрошенных в порошок булыжников, залетающей с улицы, было довольно неприятно.

Я спустилась в вестибюль, на ходу учась дышать. Получалось только в очень странной манере: набрать воздух в горло выходило, а сделать полноценный вдох – нет.

Казалось немного безумным жить в отеле, похожем на обычную гостиницу в Де-Мойне или Новом Орлеане: вестибюль, плетеные кресла в зоне отдыха, таблички на дверях, сообщающие, что вашу одежду погладят немедленно, но если вы хотите, чтобы обед подали прямо в номер, придется доплатить десять процентов, – и в то же время атмосфера как в окопе во время артиллерийского обстрела. Все здание тряслось от взрывов снарядов.

Консьерж на своем месте за стойкой сказал извиняющимся тоном:

– Сожалею, мадемуазель. Это неприятно. Не сомневайтесь: ноябрьская бомбардировка была хуже. И тем не менее ситуация прискорбная.

– Да, в самом деле, не очень хорошо, не так ли? – ответила я.

Консьерж предположил, что мне, возможно, стоит занять номер в задней части здания, там может быть безопаснее. С другой стороны, те номера не самые подходящие; там меньше воздуха. «Конечно, там будет не так много воздуха», – сказала я. Потом мы просто стояли в лобби и слушали.

Оставалось только ждать. Вот уже пятнадцать дней люди по всему Мадриду ждали. Ждали, когда начнется бомбардировка, когда закончится и когда начнется снова. Летело с трех сторон, в любое время, без предупреждения и без цели. Выглянув из двери отеля, я увидела, что по периметру всей площади в дверных проемах стоят люди, просто стоят и терпеливо ждут. Вдруг ударил снаряд, фонтан гранитных булыжников взметнулся в воздух, по площади мягко поплыл серебристый лиддитовый¹¹ дым.

Маленький испанец с яркими карими глазами в рубашке цвета лаванды и в галстук-бабочке стоял в дверях отеля, с интересом наблюдая за происходящим. У снарядов нет никаких причин держаться подальше от отеля. Они могут разнести эти двери точно так же, как и любое другое место. На середину улицы упал еще один снаряд – разбилось окно, мягко и легко, с очаровательным музыкальным позвякиванием.

Я по возможности старалась наблюдать за людьми, стоящими в дверных проемах, за их очень спокойными вытянутыми лицами. Кажется, будто ждешь целую вечность, и вчера было точно такое же чувство.

¹¹ Лиддит – одно из названий тринитрофенола, взрывчатого вещества, применявшегося в артиллерийских снарядах с начала XX века.

– Не нравится? – спросил меня маленький испанец.

– Нет.

– Ничего, – ответил он. – Это ничего. Это пройдет. В любом случае умереть можно лишь один раз.

– Да, – сказала я, но без энтузиазма.

Мы еще немного постояли, вокруг уже было тихо. Незадолго до этого снаряды падали каждую минуту.

– Ну, – сказал он, – думаю, это всё. Мне пора работать. Я серьезный человек, не могу все время стоять и ждать снаряды. Salud¹², – и спокойно вышел на улицу и так же спокойно перешел ее.

Другие мужчины видели его и тоже решили, что обстрел закончился, и вскоре люди уже ходили туда-сюда по площади, теперь покрытой, словно оспинами, большими круглыми дырами, усеянной битым камнем и стеклом. Вниз по переулку спешила старушка с корзинкой в руках. Из-за угла вышли два мальчика, они держались за руки и пели.

Я вернулась в свой номер, и вдруг опять раздался этот свист-вой-воплъ-рев, шум застрял в горле, невозможно ничего ни чувствовать, ни слышать, ни думать; все здание задрожало и будто бы осело. Снаружи в вестибюле горничные, словно птицы, выкликали друг друга высокими возбужденными голосами. Консьерж прибежал на верхние этажи, озабоченно качая головой. Мы вошли в номер этажом выше, где все еще туманом висел лиддитовый дым. В комнате ничего не осталось, мебель – в щепки, стены ободраны и кое-где пробиты, через огромную дыру виднелся соседний номер, вставшая на дыбы кровать нелепо застыла у стены грудой искореженного железа.

– О боже, – несчастным голосом сказал консьерж.

– Смотри, Кончита, – сказала одна молодая горничная другой, – смотри, в 219-м тоже дырища.

– Ох, – ответила она, – представляешь, еще и в 218-м ванную разнесло.

Журналист, который жил в том номере, накануне уехал в Лондон.

– Что ж, – сказал консьерж, – ничего не поделаешь. Это очень прискорбно.

Горничные вернулись к работе. С пятого этажа спускался летчик, ругаясь, что это, мол, отвратительно; у него было два дня отпуска, а тут такое происходит. Мало того, сказал он, в его комнату прилетел осколок и расколотил все туалетные принадлежности. Очень это все зря они устроили, очень опрометчиво. И теперь он пойдет и выпьет пива. Возле двери он подождал, пока упадет снаряд, потом перебежал площадь и добрался до кафе на другой стороне улицы как раз перед следующим ударом. Нельзя ждать вечно, нельзя весь день быть осторожным.

Позже можно было видеть, как люди по всему Мадриду с любопытством и удивлением разглядывают свежие рытвины от снарядов. В остальном они продолжали жить обычной жизнью, как будто ее течение прервал сильный ливень, не более того. В кафе, в которое попали утром и где троих мужчин, сидевших со свежими газетами и кофе, убило прямо за столиками, клиенты вернулись к полудню. В баре «Чикотес» вечером, как всегда, полно народу: чтобы попасть туда, нужно пройти по улице – ничейной земле, где даже в тишине кажется, что слышен свист снарядов. Нужно пройти мимо мертвой лошади и еще более мертвого мула, иссеченного осколками снарядов, пройти мимо переплетенных следов человеческой крови на тротуаре.

Ты спускаешься по улице, слыша лишь городской шум: трамваев, машин; людей, зовущих друг друга, – когда вдруг, заглушая все это, раздается оглушительный, безжалостный, протяжный гул упавшего на углу снаряда. Бежать некуда, ведь откуда тебе знать, где приземлится следующий снаряд: за тобой, спереди, слева, справа? Прятаться в зданиях тоже глупо, учитывая, во что взрывы могут превратить дом.

¹² Здесь: «Удачи», «Всего доброго» (исп.).

Допустим, ты пошла в магазин, ведь именно это ты и собиралась сделать до того, как начался обстрел. В обувной лавке пять женщин примеряют туфли. Две девушки покупают летние босоножки, сидя у витрины магазина. После третьего взрыва продавец вежливо говорит: «Я думаю, нам лучше отойти вглубь магазина. Окно может разбиться и поранить осколками».

Женщины стоят в очереди, как и по всему Мадриду. Тихие, обычно одетые в черное, с корзинками в руках, они ждут, когда можно будет купить продукты. На другую сторону площади падает снаряд. Женщины поворачивают головы, чтобы посмотреть, и придвигаются чуть ближе к зданию, но ни одна не покидает свое место в очереди.

В конце концов, они стоят уже три часа, а дома дети ждут еду.

На площади Пласа-Майор стоят чистильщики обуви с маленькими коробочками, полными кремов и щеток. Прохожие останавливаются, и им чистят обувь, пока они читают газету или судачат с соседями. Когда снаряды падают слишком часто, чистильщики подбирают коробки и отходят немного дальше, в сторону боковой улицы.

А сейчас площадь пуста, люди жмутся к домам по ее периметру, снаряды падают с такой скоростью, что не остается промежутков, когда можно было бы услышать, как они летят, – только непрерывный грохот, когда они бьют в гранитные булыжники.

Затем на мгновение все затихает. На площадь выбегает пожилая женщина с шалью на плечах, она держит за руку испуганного худенького маленького мальчика. Ясно, о чем она думает: она думает, что должна отвести ребенка домой, ведь дома, рядом со знакомыми вещами, всегда безопаснее. Почему-то никому не верится, что тебя может убить, когда ты сидишь у себя в гостиной, никто никогда так не думает. Женщина с ребенком бегут по центру площади, когда прилетает следующий снаряд.

Небольшой кусок искореженной стали, горячий и очень острый, отлетает от снаряда и бьет мальчика в горло. Женщина застывает, держа за руку мертвого ребенка, глупо глядит на него и ничего не говорит. Мужчины бегут к ней, чтобы подхватить тело мальчика. Слева от них всех, на краю площади, виднеется большой блестящий знак, на котором написано: «УБИРАЙТЕСЬ ИЗ МАДРИДА».

Здесь никто уже не жил, потому что жить больше негде; к тому же окопы начинались всего в двух кварталах отсюда и неподалеку, ниже по склону и левее, в Каса-де-Кампо, проходила еще одна линия фронта. По улицам летали случайные пули, а случайная пуля, если она попадет в тебя, ничем не лучше любой другой. Когда идешь мимо уличных баррикад, мимо разрушенных домов, единственные звуки, которые слышно, – пулеметные очереди в Университетском городке да птичье пение.

Это немного напоминало прогулку в сельской местности, по разбитым проселочным дорогам; из-за уличных баррикад все выглядело очень необычно, и дома казались декорациями к военному фильму; не могли же они на самом деле выглядеть вот так.

Мы шли навестить дворника, который жил в этом районе вместе с семьей. Это единственные люди, кто остался здесь, не считая солдат на баррикадах. Дворника звали Педро.

Педро жил в большом многоквартирном доме; восемь лет он работал дворником и следил за хозяйством. В ноябре на крышу упала бомба; Педро и его семья тогда были в своей крошечной подвальной квартирке, никто из них не пострадал. Переезжать они не собирались. Семья привыкла жить в этом доме, а во время войны подвал – гораздо более привлекательное место жительства, чем в мирные времена.

Они с гордостью показали нам свой дом. Мы прошли в отделанный мрамором холл мимо лифта через парадную дверь из красного дерева и оказались в комнате, от которой мало что осталось, кроме пыли и кусков отломанной штукатурки. Посмотрев наверх, можно увидеть внутреннее убранство всех квартир в этом здании – на всех восьми этажах. Бомба рухнула в самый центр дома, и теперь от него остались только внешние стены. На седьмом этаже располагалась прекрасная ванная комната – теперь ванна висела в воздухе на трубах. На четвертом

сохранился стенной шкафчик с фарфоровым сервизом: вся посуда стояла целая и невредимая, аккуратными рядами. Две маленькие дочки консьержа играли среди всей этой разрухи, как дети играют на пустырях или в пещерах у реки.

Мы сели в подвальной квартире Педро, где горел свет, и говорили с ним и его семьей. Они рассказали, что, конечно, еду достать действительно трудно, но всем сейчас нелегко и голодать-то они не голодают – ну, по-настоящему. Да, бомбежки были страшными, но они просто переждали их в подвале, и в конце концов все прекратилось. Единственная проблема, по их словам, – дети больше не могут ходить в школу, потому что ее разбомбили. А отправлять их идти через весь Мадрид в другую школу нельзя – над баррикадами в конце квартала свистят пули, нельзя подвергать детей такой опасности.

Хуанита заметила, что школа ей все равно не очень-то нравилась. Она хотела быть художницей, и ей больше по душе сидеть дома и рисовать. Сейчас она рисовала – карандашами на оберточной бумаге – очень элегантного испанского джентльмена, срисовывая с портрета на стене разрушенной квартиры на первом этаже.

Жена Педро сказала, что вообще-то все замечательно, ведь теперь в Испании женщины могут делать карьеру, а вы об этом знали? «Теперь» означает со времен установления Республики. «Мы очень поддерживаем Республику, – сказала она. – Я думаю, Мария сможет выучиться на врача. Разве это не прекрасно? А в Северной Америке женщины могут быть врачами?»

Отель «Палас» всегда меня шокировал, поскольку в нем сохранились стойка консьержа, табличка «Парикмахер на первом этаже» и другая табличка, сообщавшая, как прекрасна Мальорка и что сотрудники могут порекомендовать там гостиницу.

В «Паласе» осталась и его старая мебель, но теперь она пропахла эфиром, а отель заполнили толпы забинтованных людей. В этом здании находился первый военный госпиталь Мадрида. Я прошла в операционную, которая раньше была читальным залом.

В коридоре кучей лежали окровавленные носилки, но сегодня было тихо. Книжные шкафы в стиле ампир, где раньше хранили скучное чтиво для постояльцев, теперь используют для бинтов, игл для инъекций и хирургических инструментов, а хрустальные люстры ярко светят, чтобы было легче оперировать. Дежурная медсестра рассказала мне о пациентах на шестом этаже, и я поднялась к ним.

В залитой солнцем комнате были четверо мужчин. У одного из них, одетого в красную блузу и сидевшего в профиль ко мне, нога в гипсе, он закинул ее на стул. Рядом работал человек в берете – спокойно рисовал портрет первого мужчины пастелью. Двое других лежали на койках. На одного из них я старалась не смотреть. Второй был тих, бледен и выглядел уставшим. Один или два раза только улыбнулся, но ничего не сказал. Он был тяжело ранен в грудь.

Мужчина в красной блузе – венгр; его колено разбито осколком снаряда. Красивый, очень учтивый, он вежливо отказался говорить о своем ранении, потому что «ничего особенного в нем нет». Он жив, ему очень повезло, врачи – молодцы и, возможно, вылечат его колено.

Во всяком случае, он сможет передвигаться, пусть и хромяя. Венгру больше хотелось поговорить о своем друге, рисуящем его портрет.

– Хайме, – сказал он, – прекрасный художник. Вы посмотрите, как хорошо он работает. Он всегда хотел стать художником, но раньше у него не было столько свободного времени.

Хайме улыбнулся и продолжил работать; он писал портрет, очень близко наклонившись к бумаге, и то и дело останавливался, чтобы посмотреть на парня в красной блузе. Глаза Хайме выглядели немного странно: тусклые, словно затянутые пленкой. Я сказала, что портрет замечательный, видно большое сходство, и он меня поблагодарил. Чуть позже кто-то позвал Хайме, и он ушел. Тогда венгр в красной блузе рассказал:

– Его ранило в голову, а берет ему нужен, чтобы закрывать рану. У него не очень хорошее зрение; если быть точным, очень плохое. Почти ослеп. Мы просим его рисовать наши портреты, чтобы занять его и убедить, что он все еще нормально видит. Но Хайме никогда не жалуется.

Я тихо спросила:

– А что случилось с тем парнем?

– Он летчик.

Летчик – молодой блондин. На круглом лице не осталось ничего, кроме глаз. Его самолет сбили, и он горел заживо, глаза уцелели только благодаря авиаторским очкам. Лицо и руки – сплошной струп, твердый и коричневатый, руки раздулись до невероятных размеров; губ нет, только струп. Самое худшее – он испытывал настолько сильную боль, что не мог даже заснуть.

Потом в палату зашел мой знакомый солдат, поляк, и сказал:

– Слушай, у Домини в палате 507 есть мимоза. Целая здоровая ветка. Не хочешь подойти и посмотреть? Он говорит, что в Марселе, откуда он родом, мимоза растет везде. А я никогда раньше не видел таких цветов.

Время от времени актеры замолкали и ждали; снаряды разрывались вниз по улице, на Пласа-Майор, и справа от Гран-Виа. Когда они падали слишком близко, реплики слышать было невозможно, поэтому актеры ждали. Воскресным утром шло благотворительное представление; собирали деньги для госпиталей.

Пьесу написал любитель, любители ее режиссировали, сшили костюмы и играли в ней; в целом сложно представить что-то более любительское. Публика была в восторге; это драма о моральном и психологическом кризисе молодого человека, который решил отказаться от рукоположения в священники. Зрители сочли, что получилось очень забавно, и добродушно смеялись над особенно эмоциональными местами.

После того как опустился занавес, на сцену вышел исполнитель главной роли и извинился: ему жаль, что он забыл свои реплики, – но у него не было времени их выучить. Всего несколько часов назад он был в окопах возле холма Гарабитас (все знали, что там уже два дня шло наступление) и поэтому ничего не успел запомнить.

Зрители аплодировали и кричали, что все в порядке, им все равно. Затем актер рассказал, что там, в окопах, написал стихотворение и хотел бы сейчас его прочесть. Он прочитал. Стих крутился и метался, полный громких слов и вычурных рифм, автор превосходно жестикулировал. Когда он закончил, все аплодировали, и он выглядел счастливее некуда. Хороший паренек, пусть и не блестящий поэт, и зрители знают, что ему довелось побывать на участке фронта, где идут жестокие бои. К тому же они любят пьесы и театры – даже плохие пьесы и даже театры, стоящие прямо на улице, где падают снаряды.

Каждую ночь, лежа в постели, ты слышишь пулеметные очереди в Университетском городке, всего в десятке кварталов отсюда. Время от времени раздается глухое, мощное буханье окопного миномета. Когда просыпаешься от взрывов снарядов, сначала думаешь, что это гром. Если прилетает не слишком близко, то и не просыпаешься.

Ты знаешь, что в ноябре над городом летали и сбрасывали бомбы черные «Юнкерсы»¹³, что всю зиму не было топлива, что дни тогда были холодны, а ночи – еще холоднее, ты знаешь, что еды мало, что у всех этих людей сыновья, мужья и возлюбленные где-то на фронте. И теперь они живут в городе, где ты испытываешь судьбу и надеешься на удачу. Ты не видела здесь ни паники, ни истерики, не слышала полных ненависти речей. Ты знаешь, что вера этих людей достаточно сильна, чтобы дарить им мужество и надежду на славное будущее. У тебя нет права

¹³ Немецкие самолеты производства фирмы Junkers. Во время гражданской войны в Испании нацистская Германия оказывала военную помощь франкистским мятежникам.

волноваться. Нигде не горят огни, и город затих. И самое разумное, что ты можешь сделать, – снова лечь спать.

Город в осаде

Ноябрь 1937 года

В конце дня с гор на Мадрид налетел ветер и выдул разбитые стекла из окон обстрелянных домов. Дождь лил без остановки, и улицы, покрытые грязью, выглядели так, словно их измазали горчицей. Дождь лил, а люди говорили о предстоящем наступлении, гадая, когда, когда... Кто-то сказал, что знает о переброске продовольствия и боеприпасов; кто-то еще сказал, что подразделение Кампесино¹⁴ было на юге или на севере; деревни эвакуировали (сорок штук – то ли на одном направлении, то ли на другом); транспорт готов к отправке; вы слышали? Все фронтовые пропуска отозваны, отпуска отменены. Кто тебе сказал, он точно знает? Что-то ты сказал? Так и продолжалось, а потом опять начинал лить дождь. И все ждали. Ожидание – огромная часть войны, и дается оно с трудом.

В конце концов наступил чей-то день рождения или национальный праздник (к тому же было все так же холодно и ничего не происходило, кроме дождя и слухов), поэтому мы решили устроить вечеринку. Мы вдвоем жили в мадридском отеле, а третьим с нами был друг, который приехал в гости, американский солдат из бригады имени Авраама Линкольна. Пулеметная пуля раздробила ему бедро, и он прибыл в город в свой первый отпуск из бригадного госпиталя. Мы выгребли из нижнего ящика комода весь запас консервов: суп, сардины, шпинат, солонину (всё в банках) и две бутылки молодого красного вина – и планировали согреться едой и поболтать о чем-нибудь, кроме наступления. Мы поговорили бы о кинозвездах и красивых местах, в которых бывали, и получилась бы отличная вечеринка. Все шло идеально, пока мы не начали пить кофе (рецепт: одна чайная ложка на чашку горячей воды, затем размешать). А потом первый снаряд влетел в соседнее здание, усеял внутренний двор дождем из стекла и заставил подскочить печатную машинку, стоявшую на столе.

Парень с раздробленным бедром пошевелил своей тяжелой загипсованной ногой и спросил: «Кто-нибудь видел мои костыли?» Он нашел костыли и встал у стены между окнами. Окна мы открыли – чтобы лучше слышать и чтобы они не разбились, – выключили свет и стали ждать.

Все было нам хорошо знакомо: взвинченный вопль снарядов, когда они приближались, громкий раскатистый грохот, когда ударяли; мы гадали, куда они летели и откуда стреляли, мы засекали время по секундомеру, считали, делали ставки, какой у снарядов калибр. Парню было грустно. Он привык к войне на фронте, где можно что-то сделать, а не к этой беспомощной войне в городе, но ни на каком фронте он больше никогда не окажется, поскольку его раненая нога теперь всегда будет слишком короткой, а с тростью в пехоту не берут.

В комнате стоял дым, в отель попали уже несколько раз, так что мы взяли свои бокалы с вином и отошли в соседнюю комнату, руководствуясь нерушимой логикой, которую никто не ставил под сомнение: если уж в наш номер и влетит снаряд, он ни в коем случае не удосужится пролететь через ванную и добраться до задней комнаты.

Мы насчитали шестьсот снарядов и устали считать, а еще через час все закончилось. Мы сказали друг другу: «Что ж, это был милый маленький обстрел». А потом: «Может быть, это значит, что начнется наступление». Исходя из этого, мы съели последнюю плитку шоколада и отправились спать.

На следующий день снова шел дождь и Мадрид приходил в себя, как делал уже не раз. Трамваи медленно громыхали по улицам, собирая упавшие кирпичи, разбитое стекло, разбро-

¹⁴ El Campesino – «Крестьянин», «Деревенщина», прозвище Валентина Гонсалеса Гонсалеса, одного из республиканских командиров в годы Гражданской войны.

санные куски дерева и мебели. Идущие на работу люди останавливались и разглядывали новые выбоины от снарядов. Брешь на фасаде отеля стала немного больше. Лифтер, чьим хобби была работа с бронзой, охотился по номерам на неразорвавшиеся снаряды, чтобы сделать из них лампы. Его друг, ночной консьерж, для абажуров этих ламп рисовал на пергаменте военные сценки, и оба они все время были заняты. Горничная предложила: «Пойдемте посмотрим номер, где вы раньше жили», – и мы весело вошли туда, где не осталось ничего, кроме туалетного столика с нерасколотым зеркалом, а в сломанном деревянном комод я нашла наконец-то снаряда. На четвертом этаже лежал другой снаряд, длинный и тяжелый, его прислонили к перилам лестницы. Он не разорвался – только вырвал полстены и разрушил мебель в 409-м номере, снес дверь и прилег отдохнуть в холле, где все им любовались, потому что это была новая модель. Мне позвонили несколько друзей и отметили: «О, так тебя не убило». Все было как прежде. Как в прошлый раз, и в позапрошлый, и во все другие разы. Все гадали, почему фашисты начали обстрел вчера ночью, а не в какую-то другую ночь; значит ли это что-нибудь? Как вы считаете?

В Мадриде первую помощь оказывают не только пострадавшим людям, но и пострадавшим домам. Этим занимаются профессионалы – архитекторы, инженеры, каменщики, электрики; простые рабочие на этой службе только выкапывают тела из-под обрушившихся домов. Команда архитекторов всегда за работой, потому что, когда они не подпирают, не ремонтируют, не затыкают дыры и не убирают обломки, они проектируют новый прекрасный город, который построят на месте разрушенного, когда закончится война. В то дождливое утро я отправилась с ними посмотреть, что произошло за ночь и что можно сделать.

В лучшем жилом районе Мадрида на углу улицы полицейские говорили людям не толпиться и идти дальше. Снаряд насквозь пробил верхний этаж нового многоквартирного дома, вынес железные балконные перила на крышу дома напротив, и теперь весь верхний этаж стоял без опоры, готовый рухнуть на улицу. Выше по улице снарядом повредило водопровод, и улица быстро заполнялась водой. У одного из архитекторов с собой была дневная порция хлеба, завернутая в газету. Все утро он был очень осторожен, пока карабкался по развалинам и перепрыгивал затопленные водостоки, чтобы не уронить хлеб; он должен был отнести его домой – там ждали двое маленьких детей, и несмотря на смерть, разрушение и все прочее, что происходило вокруг, хлеб был по-прежнему нужен.

Мы поднялись на верхний этаж и осторожно перешли в комнату, где оставшаяся половина пола висела над пустотой. Мы пожалы руки всем друзьям и посетителям, которые тоже пришли на это посмотреть. Здесь жили две женщины, пожилая мать с дочерью. Они находились в глубине квартиры, когда всю ее переднюю часть снесло взрывом. Теперь они собирали то, что могли спасти: чашку без блюдца, диванную подушку, две фотографии с разбитыми стеклами. Они были разговорчивы и радовались, что остались живы, говорили, что всё, в общем-то, в порядке, – смотрите, в задней части квартиры еще можно жить; там три комнаты, не такие светлые и красивые, как те, что были разрушены, но все же они не остались без дома. Жаль только, что передняя часть квартиры рухнула на улицу и кто-то из-за этого пострадал.

В совсем другом районе Мадрида грязная дорога за аренной для корриды вела на площадь, где стояло корыто, в котором местные женщины стирали одежду. Там тесно жались друг к другу десять маленьких домиков, их окна были завешены тканью, а в стены были засунуты газеты от сквозняков. Женщины со спокойными, бледными лицами и притихшие дети стояли у корыта и смотрели на один из домов, вернее на то, что от него осталось. Мужчины стояли чуть ближе. Снаряд угодил прямо в эту хлипкую хижину, где пять человек грелись и говорили друг с другом, ища утешения и веселья, а теперь там осталась только груда глины и щепок; пять тел выкопали, как только стало светать. Люди, собравшиеся вокруг, знали погибших. Одна из женщин вдруг потянулась к своему ребенку, взяла его на руки и крепко прижала к себе.

Беда была тут и там по всему городу, бесцельно, словно ее направляла дрожащая стрелка компаса. Возле вокзала архитектор спросил у консьержки, все ли в порядке в ее доме – в тот район ночью прилетело четыре снаряда. Да, ответила она, хотите посмотреть? Наверху вся семья, включая сестру и мать мужа, племянницу жены и ее ребенка, стояла в гостиной, привыкая к случившемуся. Передней стены не было. Фарфор и стулья разбило вдребезги.

Жена мне сказала: «Как жаль швейную машинку; ее уже не починить».

Муж поднял с буфета маленькую мертвую канарейку, с грустью в глазах показал ее мне, пожал плечами и ничего не сказал.

Я спросила, где они теперь будут жить. (Порывы ветра, вид на улицу с высоты пяти пролетов, сломанная мебель, и все они теснятся в одной комнате и на кухне. Мерзнуть, никогда не есть досыта, все время ждать звука летящих снарядов – само по себе ужасно, но хотя бы четыре стены, просто четыре стены, чтобы укрыться от дождя, человеку необходимы.)

Женщина удивилась.

– Здесь, конечно, – сказала она. – Куда же нам еще идти? Это наш дом, мы всегда здесь жили.

Архитектор сказал мне с сожалением:

– Нет, я не могу залатать стены; нам нужно беречь древесину для самого необходимого. Стены не упадут, никакой опасности нет.

– Но холод.

– Да, холод, – сказал он. – Но что мы можем сделать?

Он пожелал им удачи, а они ответили:

– Спасибо, с нами все в порядке.

А потом мы молча пошли вниз по крутой неосвещенной лестнице.

Наступил вечер. Трамваи с людьми, оббивавшими ступеньки и бамперы, как плющ, горели приглушенным голубым светом. Люди, опустив головы от дождя, спешили по темным улицам к своим домам, где они будут готовить еду из того, что у них найдется, пытаться согреться, ждать завтрашнего дня и ничему не удивляться.

Мужчина шел, напевая. Двое детей сидели на пороге дома и вели долгий, серьезный разговор.

Одна из витрин предлагала выгодно купить шелковые чулки. Мы устали, но неподалеку находился еще один дом, который должен был осмотреть архитектор. Мужчина принес свечу, и мы поднялись по лестнице. Вряд ли стоило даже заходить в квартиру.

Там вообще ничего не осталось, спасти было нечего; стены были пробиты, как и потолок и пол. То, что раньше было жильем, теперь представляло собой мешанину из старого тряпья и бумаги, кусков штукатурки и сломанного дерева, перекрученных проводов и осколков стекла. Мужчина держал свечу над головой, чтобы мы могли видеть, и тени ползли по этому хаосу.

У двери стояла пожилая женщина. Теперь она вошла внутрь. Она взяла меня за руку и притянула к себе, чтобы я ее услышала. Она сказала очень тихо, как будто делилась секретом:

– Посмотри, посмотри, видишь, это мой дом, я здесь живу.

Она смотрела на меня так, будто я должна была это отрицать, – широко распахнутыми, озадаченными, испуганными глазами. Я не знала, что сказать.

– Не могу понять, – сказала она медленно, надеясь, что я-то пойму и объясню; в конце концов, я была иностранкой, я была моложе, я, вероятно, ходила в школу, а значит, наверняка могла бы объяснить, что случилось. – Я не понимаю, – повторила она. – Ты видишь? Это мой дом.

И все время было холодно. Мадрид заливало дождем, везде был дождь; о холод! и о промокшие ноги! и густой запах мокрых шерстяных пальто. И мы ждали наступления. Слухи разрастались с каждым днем; они носились и трепетали над городом. Глядя на любого, кто выглядел осведомленным, или хитрым, или счастливым, или обеспокоенным, да каким угодно,

вы задавались вопросом: что он знает о наступлении? Мы знали, что это будет важное наступление; все были уверены в его успехе, когда бы оно ни началось; все его ждали. Но пока мы ждали, делать было нечего.

И поэтому, чтобы заполнить дни, мы отправились навестить ближайшие фронты (десять или пятнадцать кварталов от отеля, хорошая бодряя прогулка под дождем, помогает разогнать кровь). В окопах всегда встречались забавные люди, новые лица, всегда было о чем поговорить. Так что мы прошлись до Университетского городка и Усеры, до парка дель Оэсте, к тем окопам, которые стали частью города и которые мы прекрасно знали. Сколько раз такое ни делай, всегда удивляет, как просто и легко можно дойти до войны из собственной спальни, где ты только что читала детектив или биографию Байрона, или слушала фонограф, или болтала с друзьями.

Как обычно, было холодно, и в тот день мы прошли по всем окопам парка дель Оэсте. В этих окопах некогда прекрасного мадридского парка грязь была густой, словно жвачка. Мы восхищались блиндажами, которые пахли свежими дровами, и дымом маленьких печек, яркими одеялами над пулеметами, портретами кинозвезд на стенах, удивительной безмятежностью – в конце концов, здесь как бы ничего и не происходило. Но, с другой стороны, ночью все менялось. Каждую ночь из отеля можно было отчетливо слышать рокот пулеметов и глухой стук минометов, и все, что казалось нормальным днем, ночью становилось непривычным.

Следующим вечером, когда небо стало сине-фиолетовым, мы явились в штаб, расположенный в разбомбленном жилом доме. Это было по-домашнему уютное место: там жили три женщины – жены офицеров, крикливые, как птицы. На плюшевом диване спал пятимесячный младенец, и его мать рассказывала нам о нем с восхищением и затаив дыхание, как это свойственно женщинам. Майор устал, но был очень вежлив. Вошел штабной повар, посмеиваясь немного безумно, словно Офелия, и спросил, когда все планируют ужинать. А солдат, который должен был стать нашим проводником, ушел на танцы, которые давал другой батальон. Они воевали здесь уже больше года; фронт пролегал прямо в городе, и танцплощадка была в десяти минутах ходьбы, а человеку время от времени хочется разнообразия. Вскоре он вернулся, юноша с изумительными ресницами и легким смехом; мы прошли квартал, спустились по скользким ступенькам и оказались в окопах.

Фонарик потускнел, грязь налипла на ботинки, приходилось идти согнувшись, чтобы не задеть низкие балки, удерживающие траншею, было очень холодно. На третьей линии мы прислонились к земляным стенам и посмотрели на тонкие ободранные деревья там, где когда-то был городской парк, и прислушались. Мы пришли послушать громкоговорители. По ночам то одна, то другая сторона ведет трансляцию солдатам в этих окопах: программа состоит из пропаганды и музыки. Громкоговорители спрятаны недалеко от линии фронта, и все можно услышать, как по телефону. Сегодня говорил враг. Голос по радио начал осторожно и высокопарно: «Правитель Испании, единственный правитель, готов отдать свою кровь за вас... Франко, Франко...»

Подошел еще один солдат, они с нашим проводником закурили, и проводник, который очень заботился, чтобы его гостям не было скучно, сказал:

– Эта болтовня очень утомляет, но это ненадолго, потом будет музыка.

Вдруг через узкую ничейную территорию мы услышали «Kitten on the Keys», сыгранную в семь раз быстрее, чем нужно.

– А, – сказал наш гид, – это очень мило, американская музыка.

Затем вернулся тот ровный, осторожный голос: «Ваши лидеры хорошо живут в охраняемом тылу, в то время как вам дают оружие, чтобы вы шли и умирали». После его замечания раздалась раздраженная пулеметная очередь.

– Он слишком глуп, – с отвращением сказал солдат-проводник. – Обычно мы его не слушаем. Почему он не заткнется и не включит музыку? Музыка очень хороша. Мы все ее любим, она помогает скоротать время.

В этот момент началась музыка: «Valencia, deedle-deedle-deedle-dee...» Это продолжалось около часа. Мы с трудом шли вперед, потому что фонарик выдохся, пробирались на ощупь через крытые траншеи, вытянув руки, касаясь обеих стен, сгибаясь под балками туннелей, поскользываясь на дощатых настилах, когда там вообще были настилы, или спотыкаясь в грязи. В какой-то момент рванул миномет – выстрел сверкнул среди деревьев, и в ответ затрещали пулеметы. Голос по радио сказал: «Viva, Franco! Arrriba España!»¹⁵, и мы услышали, как на первой линии засмеялись правительственные войска. Затем мы услышали голос солдата, который кричал что-то в ответ далекому диктору фашистов – но слов было не разобрать.

Проводник объяснил:

– Теперь начнется бой. Сейчас это так, ничего серьезного, но раньше этот громкоговоритель приводил нас в ярость. Мы так часто его слышали, и мы знаем, что он передает полные глупости – иногда объявляют, что одержали большую победу прямо на нашем участке, где мы стояли весь день и ничего такого не заметили, – поэтому мы не обращаем на него внимания. Но вообще принято отвечать.

Сквозь деревья мы все еще слышали очень тонкий и высокий голос солдата, который кричал фашистам.

– Он говорит, – сказал проводник, прислушавшись, – что бесполезно говорить с ними по-испански, потому что они там все мавры.

Мы ждали, но не могли разобрать других слов. Проводник продолжил:

– Один из наших парней обычно говорит им, что они лжецы и разрушают Испанию, а они отвечают, что он красный убийца, а потом все начинают злиться и стреляют друг в друга из минометов. Их громкоговоритель – пустая трата времени, но музыка приятная.

¹⁵ «Да здравствует Франко! Вставай, Испания!» (франкистские лозунги).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.